

Ильинский Григорий Андреевич

**О некоторых архаизмах и новообразованиях
праславянского языка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Андреевич И.**
О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянского языка / Ильинский Григорий Андреевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 135 с.

ISBN 978-5-519-86989-8

ISBN 978-5-519-86989-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

*Предлагаемые этюды не имѣютъ задачи всесторонне изслѣдовать какое — нибудь крупное, многосложное явленіе славянскихъ языковъ; ихъ цѣль гораздо скромнѣе — анализъ некоторыхъ **отдѣльныхъ** и, на первый взглядъ, второстепенныхъ формъ общеславянскаго языка.*

*Такой характеръ содержанія книги вызванъ исключительно-субъективными соображеніями. Выступая два года назадъ на тернистый и отвѣтственный путь самостоятельнаго научнаго изслѣдованія, мы не хотѣли и не могли сдѣлать предметомъ нашего изученія явленій **сложнаго** т. е. такого, которое представляетъ комплексъ цѣлаго ряда другихъ столь же крупныхъ и сложныхъ по своему происхожденію и значенію явленій и факторовъ. Вѣдь такое изслѣдованіе требуетъ кроме вполне выработаннаго лингвистическаго міросозерцанія и обширныхъ всестороннихъ знаній, и филигранно-тонкихъ методовъ. На все это авторъ, какъ начинающій, не могъ претендовать. Поэтому, сначала изъ чисто автопедагогическихъ цѣлей онъ обратился къ изученію такихъ явленій славянскихъ языковъ, которыя, будучи одиноки и исключительны по своей природѣ, уже вслѣдствіе этого одного, были болѣе доступны непосредственному анализу. Таковы были, напр., старославянскій оборотъ не прѣлюбви дѣяти, категорія именъ на -t, форма род. пад. члсо*

и т. д. Ихъ совершенно изолированное въ славянскихъ языкахъ положеніе освобождало насъ отъ необходимости разграниченія отъ связанныхъ съ ними иногда даже неродственныхъ явленій (что въ изслѣдованіяхъ болѣе общаго характера бываетъ едва-ли не самой главной трудностью), но позволяло намъ прямо приступить къ рѣшенію главнаго вопроса исторической лингвистики: представляетъ-ли данная форма новообразование славянскихъ языковъ, или архаизмъ? Рѣшая этотъ вопросъ при помощи славянской сравнительной грамматики, мы приходили къ выводамъ, которые повидимому показывали, что изслѣдуемая форма представляли только мнимыя исключенія въ ряду другихъ: въ дѣйствительности, каждая изъ нихъ являлась лишь звеномъ когда — то цѣльной, но теперь разорванной цѣпи однородныхъ явленій. Мало того въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже бывало возможно указать и на другія сосѣднія звенья, сохранившія свое употребленіе донынѣ, хотя и въ другомъ видѣ и для другихъ цѣлей. Такъ, оправдывались извѣстныя слова Гёте:

*Alle Gestalten sind ähnlich und keine gleichet der andern,
Und so deutet das Chor auf ein geheimes Gesetz.*

Предлагая эти выводы на проверку специалистовъ, мы, конечно, далеки отъ мысли считать нашу аргументацію убѣдительною во всѣхъ отношеніяхъ. Но въ научной литературѣ, какъ и во всякой другой большой лабораторіи, и неудачные и несовершенные опыты бываютъ порой необходимы хотя бы только какъ ступень болѣе удачныхъ и совершенныхъ.

Не всѣ предлагаемые этюды являются новостью въ литературѣ. Нѣкоторые изъ нихъ уже были напечатаны въ изданіяхъ »Живая Старина« (1900 г., № этюдъ I.), въ Извѣстіяхъ отд. русс. яз. и слов. Имп. Ак. Н. (1901, №2 этюдъ V.), въ »Сборникъ Галицко-

русской *Мат.* (1901, N1 этюдъ VI.) и др. Присоединяя эти этюды къ написаннымъ въ Прагѣ, мы, конечно, сдѣлали въ нихъ рядъ измѣненій, исправленій и дополненій. Переработки прежнихъ этюдовъ и составленіе новыхъ совершались въ Прагѣ, и сравнительно скорымъ ихъ окончаніемъ мы обязаны широкому содѣйствію въ нашихъ занятіяхъ бібліотекаря Музея Чешскаго Королевства А. О. Патеры и его помощника д-а проф. Ч. Зибрта. За эту помощь на родной чужбинѣ мы и приносимъ имъ нашу глубокую благодарность. Не можемъ не вспомнить здѣсь съ признательностью и нашего учителя ак. В. И. Ламанскаго, которому мы обязаны, между прочимъ темой нашего перваго самостоятельнаго изслѣдованія, а также профессоровъ П. А. Лаврова и И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ за ихъ содѣйствіе въ нашемъ заграничномъ путешествіи, столь облегчившемъ составленіе ниже-слѣдующихъ этюдовъ.

ПРАГА, 27. января 1902.

Авторъ.

ЭТЮДЪ ПЕРВЫЙ.

ОБЪ ОДНОМЪ СТАРОСЛАВЯНСКОМЪ ОБОРОТѢ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ СОВРЕМЕННЫХЪ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Загадочный характеръ оборота любви дѣяти. — Склонность славянскихъ языковъ къ замѣнѣ именительнаго п. винительнымъ. — Гипотезы Миклошича, Гейтлера, Ягича, Бругманна и Брандта. — Доказательства существованія въ общеславянскомъ языкѣ слова любви. — Вопросъ о его первоначальномъ значеніи.

Употребленіе именительнаго падежа вмѣсто винительнаго въ выраженіяхъ любви дѣяти, творити, сътворити (греч. *μοιχεύειν*, лат. *adulterum esse*) представляетъ въ синтаксическомъ значеніи явленіе крайне загадочное. Встрѣчаясь только въ этомъ оборотѣ почти во всѣхъ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, онъ находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ извѣстной наклонностью славянскихъ языковъ замѣнять въ категоріи основъ на согласную -*у* не винительный падежъ именительнымъ, а, наоборотъ, именительный — винительнымъ. Такъ, исключая случаи, гдѣ основы на согласную -*у* перешли въ склоненіе основъ на -*а*, въ русскомъ языкѣ мы постоянно имѣемъ въ именительномъ падежѣ *любовь*, *церковь*, и т. д., въ польскомъ *bukiew*, *cerkiew*, въ верхне-лужицкомъ *cyrkej*, *krej*, въ нижне-лужицкомъ *cerkvej*, *kšej*, въ чешскомъ *církev*, *krev*, въ словинскомъ *církev*, *krv*, въ сербохорватскомъ *љубав*, *крѣ*, наконецъ, въ болгарскомъ *любовъ*, *крѣвъ*. Правда, въ нѣкоторыхъ говорахъ русскаго языка встрѣчаются образованія на -*ы*, напр. *свекры*,*) но это слово только пови-

*) Vetter, Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen. Leipzig 1883. S. 67.

димому принимаетъ функцію винительнаго п., такъ какъ на самомъ дѣлѣ представляетъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ т. н. *nominativus cum infinitivo*, оборота, извѣстнаго и древнерусскимъ памятникамъ. Нерѣдка въ болгарскомъ и сербскомъ языкахъ форма винительнаго падежа ед. ч. *любѣ*, *любѣ*, обозначающая «возлюбленную», «любовницу», а въ словенскомъ форма *kri* («кровь») не противорѣчатъ указанной наклонности уже потому, что представляютъ *несклоняемыя* образования. Миклошичъ въ своей *Vergl. Gr.**) цитируетъ, напр., изъ «Османа» Гундулича три примѣра употребленія *ljubi* въ значеніи именительнаго падежа ед. ч., три — въ значеніи родительнаго ед., одинъ — въ значеніи винительнаго ед., одинъ въ значеніи мѣстнаго п. ед., два — въ значеніи творительнаго ед., два — въ значеніи именительнаго множ. ч. и два — въ значеніи винительнаго множ. Подобныя же несклоняемыя формы слова *kri* тотъ же ученый указалъ въ сочиненіяхъ Трубера и Богорича,**) а г. Фр. Курелацъ такую же форму *kati* въ стихотвореніяхъ Ветранича, Лучича, Налешковича, Дивковича, Пальмотича и Газаровича.***)

Итакъ, всѣ живыя славянскія нарѣчія замѣняютъ именительный пад. основъ на -v винительнымъ. Этотъ фактъ, самъ по себѣ, еще не исключаетъ возможности, чтобы старославянскій языкъ поступалъ въ извѣстныхъ случаяхъ и обратно, если бы и въ его памятникахъ не попадались совершенно аналогичные случаи. Уже въ древнѣйшихъ среднеболгарскихъ рукописяхъ, являющихся органическимъ продолженіемъ старославянскихъ, довольно часты формы именительнаго падежа вродѣ *любовъ* въ Слѣпченскомъ апостолѣ XII. в., *црьковъ* въ Струмицкомъ Октоихѣ XIII. в., *любовъ* въ Македонскомъ апостолѣ XIII. в., *црьковъ* въ Берлинскомъ Сборникѣ XIII. в., и мн. др.†) Подобныя же явленія извѣстны и старославянскимъ памятникамъ. Не говоря уже о формахъ именительнаго падежа основъ на -n вродѣ *камень*, *корень*, встрѣчающихся, кромѣ Супрасльской рукописи, рѣшительно во всѣхъ старославянскихъ рукописяхъ††), яркимъ дока-

*) В. III², S. 242.

**) Тамъ же, S. 141.

***) *Stariji oblici samostavni*. Rad, knj. XX. (1872), str. 145—146.

†) Kalina, *Studyja*, t. II., str. 432.

††) Имено, форма *камень* семь разъ встрѣчается въ Зографскомъ Евангеліи, четыре — въ Ассемановомъ, одинъ — Маріинскомъ, одинъ —

зательствомъ исконнаго вліянія въ нашей категоріи винительнаго пад. на именительный служить форма *кръвъ*, вытѣснившая форму именительнаго **кры*, о которой мы знаемъ только изъ полабскаго, польскаго и словинскаго языковъ, едва-ли еще не въ эпоху Кирилла и Меѳодія. Правда, процессъ вытѣсненія формы именительнаго пад. винительнымъ, повидимому, не коснулся другихъ словъ той же категоріи; но что и здѣсь первый падежъ не остался совершенно безъ вліянія второго, доказываетъ такое образованіе, какъ *смокви*, встрѣчающееся въ Супрасльской рукописи и представляющее своеобразную контаминацію именительнаго падежа съ винительнымъ.*) Последній фактъ особенно драгоцѣненъ въ томъ отношеніи, что онъ ослабляетъ значеніе формъ именительнаго п. *камы* и *пламы*, тринадцать разъ употребленныхъ въ Супрасльской рукоп. въ функціи винительнаго падежа.**) Такъ какъ во всѣхъ другихъ болѣе древнихъ памятникахъ именительный и винительный пп. находятся какъ разъ въ обратномъ отношеніи, и такъ какъ, съ другой стороны, именно только Супрасльская рукоп. не употребляетъ формы *любы* въ значеніи винительнаго п., — то очевидно, что употребленіе *камы* и *пламы* въ этой функціи обязано въ последнемъ памятникѣ какимъ-то особымъ *діалектическимъ* условіямъ, анализъ которыхъ отвлекъ бы насъ здѣсь въ сторону.

Составляя странную аномалію въ ряду другихъ формъ винительнаго п. основъ на *-у*, форма *любы* противорѣчитъ вмѣстѣ съ тѣмъ общей тенденціи славянскихъ языковъ передавать синтаксическія функціи именительнаго п. винительному, — тенденціи, весьма опредѣленно проявившейся (какъ показано Лескинымъ въ его знаменитомъ „Declination“) еще въ эпоху общеславянскую.

Уже одного *этого* факта вполне достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе въ правильности обычнаго объясненія формъ *любы*, *прѣлюбы* въ нашемъ оборотѣ какъ именительныхъ пп. отъ

въ Клоцовомъ, четыре — въ Супрасльской рукоп. и одинъ — въ Саввиномъ ев.; форма *корень* однажды употреблена въ Клоцовомъ Сб. и трѣжды въ Супрасльской ркп. (Scholvin, Beiträge zur Declination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern, Archiv, B. II. S. 521-522).

*) Scholvin, тамъ же, S. 514. Подобные же примѣры замѣчены Миклошигемъ въ среднеболгарскихъ памятникахъ (Vrg. Gr. III^s S. 39) и ак. Соболевскимъ — въ русскихъ (лекція ³, стр. 177).

**) Scholvin, тамъ же, 528. Leskien Handbuch^s, S. 60.

основъ на согласную.*) Сомнѣніе это перейдетъ въ увѣренность, какъ только мы примемъ во вниманіе слѣдующіе факты:

Кромѣ винительнаго п. на -тъ и ты (въ нашемъ именно случаѣ), основы на -у употребляютъ иногда винительный п. на -тъе**). Послѣдняя форма, довольно частая въ другихъ случаяхъ, никогда не встрѣчается въ оборотѣ любви дѣяти. Это явленіе нельзя не признать очень страннымъ, если форма любви въ нашемъ выраженіи есть слово того же образованія, какъ, напр., во фразѣ Богъ любви есть.

Во вторыхъ, замѣчательно, что слово любви, вступая въ соединеніе съ другими словами, всегда переходитъ при этомъ въ категорію основъ на -о: ср. напр. любодѣиіи, прѣлюбодѣиіи; напротивъ, другія слова той же категоріи всегда сохраняютъ въ этомъ случаѣ слѣды своего согласнаго происхожденія. Напримѣръ, отъ *кры мы имѣемъ множество словъ въ родѣ крѣкоsmithеніи, крѣкопролитіи и т. п. При предполагаемомъ единствѣ обоихъ образованій, это явленіе, опять-таки, въ высшей степени странно.***)

Въ третьихъ, въ Маріинскомъ Евангеліи дважды (Марк. X, 19 и Луки XVIII, 20) и Ассемановомъ однажды (Матт. XIX, 18) вмѣсто прѣлюбви въ нашемъ оборотѣ употреблена форма прѣлюбъ. Подобнымъ образомъ въ Слѣпченскомъ Апостолѣ XII в. вмѣсто любви находимъ любъ (во фразѣ аште ли же любъ не сътвориши л. 84, стр. 6 сверху). Такъ какъ эти формы встрѣчаются въ совершенно разныхъ памятникахъ и при томъ на совершенно разныхъ мѣстахъ, то ихъ невозможно объяснить опиской, перешедшей изъ оригиналовъ по традиціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти формы находятся въ какой-то морфологической связи съ прѣлюбви, любви, но въ какой, — на этотъ вопросъ популярное объясненіе отвѣта не даетъ, да и дать не можетъ...

»Нарушеніе безъ всякой видимой причины строго соблюдаемой въ другихъ случаяхъ разницы между именительнымъ п. (любви) и винительнымъ (любѣнь)« (Ягичъ) заставило нѣкоторыхъ ученыхъ искать болѣе рациональнаго объясненія явленію. Такъ, ак. Ягичъ

*) Оно принято и Лескинымъ Handbuch,³ S. 65 и Вондракомъ Altkirchen-slavisches Grammatik, S. 171.

***) Scholvin, S. 522—525; A. Leskien, S. 65.

****) Указаніемъ на этотъ фактъ мы обязаны пр.-доц. И. Л. Лосю, за что и приносимъ ему здѣсь нашу глубокую благодарность.

высказалъ мнѣніе, что *любы* въ соединеніи съ *дѣяти* не имѣетъ ничего общаго съ основами на *-у*, но представляетъ или винительный п. мн. ч., или нарѣчіе отъ прилагательнаго *люкъ* (ср. *малы*). Самый же оборотъ *любы дѣяти* знаменитый славистъ считаетъ аналогичнымъ съ извѣстнымъ выраженіемъ *милъ съ дѣти*.*) Противъ такого объясненія, во первыхъ, можно возразить, что, если бы *любы* представляло винительный п. отъ прилагательнаго, то послѣднее, конечно, получило бы форму среднего рода мн. ч., а не мужескаго; во вторыхъ, толкованіе *любы* и какъ нарѣчія не объясняетъ указанныхъ формъ *люкъ* и *прѣлюкъ*. Гораздо болѣе правдоподобное объясненіе предложилъ Бругманъ, который видитъ въ окончаніи *-ы* нашихъ формъ совершенно правильный рефлексъ индоевропейскаго окончанія винительнаго п. согласныхъ основъ *-ūt*.**) Но и эта гипотеза не проливаетъ свѣта на три указанные особенности употребленія нашихъ формъ въ памятникахъ. То же слѣдуетъ сказать и о болѣе старой гипотезѣ Миклошича, видѣвшаго въ *прѣлюкъ* слабую ступень формы *прѣлюбы*, но неприведшаго никакихъ доказательствъ существованія въ старославянскомъ языкѣ именъ м. р. на *-ū****) Это мнѣніе совершенно догматически повторилъ и Гейтлеръ.†) Оригинальнѣе посмотрѣлъ на дѣло проф. Р. Θ. Брандтъ, пытавшійся объяснить *-ъ* въ *прѣлюкъ* какъ приравненіе къ косвеннымъ падежамъ.††) Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ онъ высказалъ и другое, — что *прѣлюкъ* вѣроятно представляетъ основу на *-і* (ср. *мдѣ*, *зѣлюкъ*). Но авторъ упустилъ изъ виду, что это слово всегда пишется съ *ъ*, а не съ *ь*.

Но если *любы* и *прѣлюбы* въ соединеніи съ *дѣяти* не могутъ быть ни винительнымъ падежомъ на согласную основу, ни прилагательнымъ, ни нарѣчіемъ, то нельзя ли въ нихъ видѣть формы отъ основъ на *-о*? Другими словами, не представляютъ наши формы образованій винительнаго п. мн. отъ существительныхъ **любъ*, **прѣлюбъ*?

Хотя въ старославянскихъ памятникахъ мы напрасно стали бы искать даже и признаковъ существованія такихъ словъ, тѣмъ не менѣе богатые данныя лексическаго матерьяла живыхъ сла-

*) Маринское ев. Спб. 1883, стр. 438.

**) Grundriss, II. S. 550.

***) Vergl. Gr. II. S. 60.

†) O slovanských kmenech na U od dra L. Geitlera. V Praze 1877, str. 37.

††) Грамматическія замѣтки, I. стр. 63.

вянскихъ языковъ указываютъ на то, что эти имена нѣкогда могли быть извѣстны и старославянскому языку.

Такъ, въ словенскомъ языкѣ довольно употребительно слово *ljub*, -i, женскаго р., означающее «любовь». Творительный п. мн. ч. этого слова *ljubti* встрѣчается и въ формѣ нарѣчія въ значеніи «проязвольно». О древности этого слова не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ оно встрѣчается еще во Фрейзингенскихъ отрывкахъ.*) Правда, слово *ljub* принадлежитъ къ категоріи основъ на -i, но что въ словенскомъ языкѣ могло существовать подобное же образованіе и на -o, — это доказываетъ слово *poljub* м. р. «поцѣлуй» (Словарь Плетершника). Это существительное образовано отъ глагола *poljubiti* «влюбляться», «прельщать», «дать поцѣлуй». Слово *poljub*, въ свою очередь, дало начало существительному *poljubeč*, м. р., которое сходится отчасти по формѣ, отчасти по значенію съ сербскимъ *poljuban*. Последнее имя предполагаетъ существованіе и въ сербскомъ языкѣ слова *poljub*, тѣмъ болѣе, что и здѣсь существуетъ глаголѣ *poljubiti* «цѣловать». То же понятіе лежитъ и въ болгарскомъ глаголѣ *poljubamъ*.

Такимъ образомъ, въ южнославянскихъ языкахъ находятся хотя и малочисленные, но все-таки *положительныя* указанія на то, что въ нихъ нѣкогда существовало слово **lubъ*, склонявшееся по темѣ на -o и обозначающее, вѣроятно, «плотскую» или «чувственную любовь». Въ последнемъ насъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что глаголѣ *любити*, отъ котораго могло быть образовано существительное **lubъ*, во всѣхъ трехъ языкахъ обозначаетъ, главнымъ образомъ, «цѣловать», а въ словенскомъ — «правиться».

Гораздо меньше указаній даютъ южнославянскіе языки относительно существованія имени **prēljubъ*. Косвеннымъ доказательствомъ его существованія служитъ словенское прилагательное *preljub* «слишкомъ пріятный» (Словарь Плетершника), образованное отъ глагола *preljubiti* „vorgziehen“ „zu viel lieben“. Последній глаголѣ извѣстенъ и въ сербскомъ языкѣ, гдѣ обозначаетъ не только «чрезмѣрную любовь», но и, главнымъ образомъ, «незаконную», «преступную». Нельзя не сознаться, что это по-

*) Frisinské památky, vyd. Vondrák. Index.